

Хотя это было между его матерью и женой, для него было правильным ненавидеть меня, потому что мы с Камиллой заключили сделку о нём без его согласия.

Вот почему я смогла выдержать такие обидные слова, как «Убирайся» и «Перестань пытаться одурачить меня».

Это заставило меня чувствовать себя менее виноватой.

Но прямо сейчас эти горничные были не теми людьми, перед которыми я должна была извиняться и кланяться.

Это мой муж.

Камилла использовала меня лишь для достижения своих собственных целей.

Взамен я приняла денежную компенсацию. Мне не нужно чувствовать себя более неполноценной или чувствовать себя более виноватой из-за этого соглашения.

— Я жена человека, который это сказал.

Я спокойно ответила:

— Вам позволено так обращаться со мной?

Низким, пугающим тоном.

Горничная посмотрела на меня дрожащим взглядом.

— Но, Милорд...

— Да. Амоид сказал, что он ни с кем не будет встречаться. Ко мне это не относится.

На самом деле, я уже знала, что я была тем человеком, которого он ненавидел видеть больше всего.

Несмотря на это, я вздёрнула подбородок и заговорила давящим тоном:

— Убирайтесь с моей дороги. Сколько раз я должна повторять?

Эмма тихо опустила глаза, отступив в сторону.

— Я поступила неразумно.

— Естественно.

После того, как дверь открылась, я зашла внутрь и захлопнула дверь перед их носом.

Как только дверь с громким звуком закрылась, наступила странная тишина.

Эта комната была чем-то вроде карманного измерения, в которое можно было войти лишь через эту дверь, и оно полностью отличалось от внешнего мира.

— Амоид?

Я позвала его по имени, но ответа не услышала.

— Где же ты?

Даже когда я вновь открыла рот, ответа не последовало.

Это была столь тревожная тишина, что мне казалось, что здесь никого нет.

В комнате было темно. Тяжёлые шторы на окнах не пропускали ни единого луча света, так что трудно было поверить, что сейчас полдень.

Так было всегда.

За два года моего пребывания здесь, в этом особняке, было время, когда его состояние становилось критическим.

Это было причиной того, что он оставался взаперти в этой комнате, куда не проникал солнечный свет.

Я не могла двигаться вперёд, не размахивая руками перед собой из-за страха сбить что-нибудь или упасть самой.

И холодный воздух окутал моё тело.

Почему здесь так холодно?

Его комната выходила окнами на юг, где позже будет тепло светить солнце, так что эта комната должна быть самым тёплым местом в особняке.

Тем не менее, обжигающе холодный воздух пронизал мою кожу, холоднее, чем воздух на складах на севере.

— Не страшно, если ты не хочешь видеть меня.

Я продолжала двигаться вперёд.

Но я не могла сказать, иду ли я налево или направо, потому что это была довольно большая комната.

— Однако это разрушит твоё здоровье.

Когда мои глаза постепенно привыкли к темноте, я с облегчением вздохнула.

Я могла видеть какое-то движение с кровати. Но даже в этом случае он не ответил.

— Амоид?

Я ещё раз позвала его по имени. Он был всё так же неподвижен, как и всегда.

Ах. Я больше не могу это терпеть.

Я подошла ближе к окну и сразу же отдёрнула занавеску.

Я услышала, как он вполголоса произнёс у меня за спиной ругательство, но притворилась, что ничего не услышала.

— Солнце светит так ярко. Почему ты задёрнул все занавески?

— ...

Ответа по-прежнему не было. С этого момента я буду атаковать.

В любом случае, на кого он похож со своим замкнутым сердцем?

Был ли его отец таким же?

Он когда-нибудь расстраивал Камиллу, когда просто закрывал рот, злясь?

Какой бы временной женой я ни была, это всё равно слишком.

Я сдержала свой кипящий гнев, затем повернулась к нему.

Амоид, который перекатился на бок, подоткнув белые простыни до подбородка, был наконец замечен мной.

Его светлые волосы торчали из-под свёрнутых простыней. Это был единственный признак его присутствия.

Я на секунду сдержала смех.

— Что это? Ты же не гусеница, в конце концов.

Я подошла к нему и положила руку на простыни, обёрнутые вокруг него.

— ...

Температура, которую я ощущала под ними, была немного странной.

Почему так жарко? Может быть, у него повысилась температура тела из-за того, что он завернулся в такое количество ткани?

Но даже в этом случае это всё равно была более высокая температура, чем обычно.

— Амоид?

Что-то не так.

— Ты спишь?

Нет, этого не может быть.

Так кто же тот, кто произнёс ругательство, которое я только что услышала?

Я схватила его за плечи и сильно встряхнула.

Ш-ш-шик.

Простыни соскользнули вниз, и открылось его лицо.

— Боже мой.

Я уже почти рыдала, когда подняла его с кровати и обняла. Его поникшее тело было тяжёлым, но сопротивления не было.

— Проснись, проснись. Пожалуйста. Ты слышишь мой голос?

Шлёп, шлёп!

Я ударила его достаточно сильно, но его глаза всё ещё не открывались.

Вместо этого из его широко раскрытых губ вырвался только стонущий голос:

— Потихе... бу...

Затем его лицо так сильно покраснело от лихорадки, что голова упала вперёд.

<http://tl.rulate.ru/book/48715/2054118>